

бакалаврская программа «Мировая политика»

итоговое экзаменационное эссе

**Поставки вооружений и
продолжительность междугосударственных конфликтов в Африке,
1991–2020**

дисциплина: **MSS5003 Международная безопасность**

студент(ка): Максимова Полина

курс: IV курс

объём: 4220 слов

Введение

С начала 1990-х годов в политической науке особое распространение получили исследования, посвященные выявлению факторов, влияющих на динамику гражданских конфликтов. Среди них наибольший эффект имели институциональные, демографические и экономические паттерны. При этом вопрос роли импорта обычных вооружений (далее — ОВ) в снижении/повышении конфликтного потенциала нередко обходят стороной, несмотря на логическую взаимосвязь оборонной политики со способностью обеспечить государственную безопасность, а также стойкий интерес академического сообщества к темам балансирования и наращивания военной мощи [Craft, Smaldone 2002].

В связи с нехваткой теоретического обоснования причинно-следственных связей и эмпирических подтверждений того, как поставки ОВ влияют на динамику конфликтов, в разжигании и продлении насилия нередко обвиняются именно страны-экспортеры, предоставляющие военно-техническую поддержку дружественным режимам [Moore 2012: 334]. Недостаток аналитического материала и множественные вызовы безопасности побуждают к исследованию вопроса: *как трансферы вооружений могут влиять на длительность конфликтов?*

Ранее проведенные исследования демонстрируют, что поставки ОВ — важный «ингредиент» в конфликтах, однако консенсуса о векторе его влияния не существует [Vaugh, Squires 1983: 40]. Так произошло разделение на «дестабилизирующую» и «стабилизирующую» школы [Handbook of Defense... 2007: 526]: первая приводит подтверждения о положительной взаимосвязи объема импорта с возникновением конфликтов и ростом их интенсивности, вторая, соответственно, наоборот. При этом на сегодняшний момент известны лишь три работы — Мура (2012), Каверли и Саксера (2017), Пампа и коллектива авторов (2018), — в которых проводится количественный анализ для выявления потенциальных эффектов трансферов и общей механизации именно на длительность вооруженного противостояния. Их выводы оказываются неоднозначными во многом ввиду различных методов работы с данными и составления выборки. Важной чертой упомянутых работ является обзор глобальных трендов за довольно широкий промежуток времени, что я нахожу не вполне репрезентативным: вероятно, именно чрезмерный временной и географический разброс может объяснять разнящиеся результаты. Например, наиболее поздняя из перечисленных работ охватывает 134 гражданских конфликта с 1951 по 2010 годы [Pamp 2018], но не учитывает локальные особенности и изменение характера боевых действий и военных технологий за шестидесятилетний промежуток.

Поэтому для дополнения существующей литературы и во избежание чрезмерного обобщения исследовательского поля я предлагаю ответить на вопрос за счет сужения спектра

кейсов до гражданских конфликтов периода 1991-2020 годов в странах Африки. Во внимание принимается именно пост-биполярный период, поскольку он ознаменовался окончательным переходом к новым, неконвенциональным, способам социальной организации насилия. Выбор региона продиктован двумя взаимосвязанными особенностями эпохи: социально-политическая турбулентность присутствовала на континенте на протяжении всей истории, однако окончание холодной войны, патронажа со стороны военных блоков и, как следствие, изменение характера международной политики повлекли за собой резкое пробуждение «спящих» внутригосударственных конфликтов [Ferreira 2011: 45]. Из-за невозможности создать и организовать собственную оборонную промышленность, но логичного стремления предотвратить государственный коллапс и сохранить региональный баланс сил африканские страны превратились в главных клиентов иностранных поставщиков вооружений.

Так, на основе выборки из африканских внутригосударственных конфликтов в настоящей статье будет предпринята попытка отслеживания эффекта трансферов как неотъемлемой части процесса наращивания военного потенциала и ряда контрольных переменных на продолжительность внутригосударственного насилия. Подобное сужение темы может оказаться важным дополнением к наблюдениям по уровню конфликтности в регионе.

Работа структурирована следующим образом: следующий, второй, раздел — описание специфики и трудностей проекции власти в африканском контексте и асимметричных конфликтов, а также выдвижение гипотез о возможных сценариях развития конфликтной динамики при импорте правительством ОВ. В секции III на основе теории производится операционализация переменных и рассматривается методология анализа. В заключительной части — секции IV — обсуждаются эмпирические наблюдения и перспективы дальнейших исследований.

II. Трансферы вооружений в контексте африканских гражданских конфликтов

Отлаженная логистика и качественное материальное обеспечение, подразумевающее в том числе и боевую технику, всегда были и останутся базовыми факторами соблюдения регионального баланса сил, внутренней стабильности и успешного ведения боевых действий [Van Creveld 1977: 2]. Приобретение военной продукции за границей — наиболее доступный, быстрый и эффективный способ наращивания военной мощи для этих целей. Однако универсального материала, который бы объяснял влияние трансферов на общемировую конфликтную динамику, не существует [Kemp 1970: 70]. На мой взгляд, можно говорить лишь о различных сценариях развития ситуаций в зависимости от многих факторов: например, характера военных действий, степени угрозы центральной власти со стороны вооруженной

оппозиции, территориальных условий. Именно совокупность этих элементов будет определять целесообразность, выгоды и издержки применения ОВ, а, следовательно, и эффект самих трансферов. Поэтому далее я предприму попытку вывести свое теоретическое обоснование влияния ОВ в африканском контексте, учитывая большое значение, которое в исследованиях вооруженных конфликтов придается географическим характеристикам [Boulding 1962; Buhaug 2009; Buhaug 2010]. Приведенные ниже особенности станут ключом к пониманию природы африканских конфликтов и значения наращивания военной мощи правительствами.

Итак, войны между государствами, являвшиеся главным инструментом изменения политических границ и способом «выживания» в других регионах мира, всегда оставались относительно редким явлением в Африке по сравнению с противостояниями гражданского характера [Ferreira 2011: 53; Huntington 1968: 123]. То есть экзистенциальные угрозы режимам и общей стабильности исходят преимущественно изнутри, а не извне, что во многом отличает африканский контекст. По утверждению Джеффри Хербста, эта особенность вызвана сложностью консолидации власти ввиду физической труднодоступности периферийных территорий и зависимости от лояльности населения племенными лидерами и распространенности вождизма [Herbst 2000: 12]. Например, в исследовании о взаимоотношении локальной и центральной власти ЦАР говорилось: «Государственная власть заканчивается в районе РК12 — 12 километрах от столицы, Банги» [Bierschenk, de Sardan 1997: 441].

Совокупность элементов среды и так называемого предшествующего развития (англ. path dependence) приводит к образованию «вакуума безопасности», определение которого выводится из веберовской трактовки государства: государство есть единственная организация, имеющая легитимное право осуществлять насилие во имя сохранения административного и правового порядка в рамках своей территории (Вебер 2019: 19). Соответственно, когда монополия легитимного применения насилия и действующие социальные отношения ставятся под сомнение, и появляются претенденты на установление нового порядка, мы можем говорить об эрозии государственной власти, что способствует пролиферации внутригосударственных конфликтов.

Первая причина трудно достигаемости периферии, и, следовательно, образования «вакуума» — размер государств, границы которых практически не менялись со времен получения ими независимости (за исключением, пожалуй, сецессий Эритреи и Южного Судана). В таблице 1 все государства Африки разделены на четыре группы по площади, где отдельно отмечены государства с зафиксированными гражданскими конфликтами за исследуемый период: невозможно утверждать, что условия непременно благоприятствуют

небольшим и островным государствам (скажем, Гамбии, Лесото, Кабо-Верде), однако низкая концентрация конфликтов в последнем квартиле очевидна.

Таблица 1 (Table 1)

Площадь стран Африки (тысячи км²) и гражданские конфликты
African Countries by Size (Thousands of Sq. Kilometres) and Civil Unrest

<i>Первый квартиль</i>	<i>Второй квартиль</i>	<i>Третий квартиль</i>	<i>Четвертый квартиль</i>
Алжир (2381,7)*	Намибия (825,4)	Буркина-Фасо (274)*	Лесото (30,3)
ДР Конго (2344,8)*	Мозамбик (801,5)*	Габон (267,6)	Экваториальная Гвинея (28)
Судан (1861,4)*	Замбия (752,6)	Гвинея (245,8)*	Бурунди (27,8)*
Ливия (1759,5)*	Марокко (712,5)	Уганда (241)*	Руанда (26,7)*
Чад (1284)*	Южный Судан (644,3)*	Гана (238,5)	Джибути (23,2)*
Нигер (1267)*	Сомали (637,6)*	Сенегал (196,7)*	Эсватини (17,3)
Ангола (1246,7)*	ЦАР (622,9)*	Тунис (163,6)*	Гамбия (10,3)
Мали (1240)*	Мадагаскар (587)	Малави (118,4)	Кабо-Верде (4)
ЮАР (1221)	Ботсвана (581,7)	Эритрея (117,6)	Коморы (2,2)
Эфиопия (1104,3)*	Кения (580,3)	Бенин (112,6)	Маврикий (2)
Мавритания (1030,7)	Камерун (475,4)*	Либерия (111,3)*	Сан Томе и Принсипи (0,9)
Египет (1001,4)	Зимбабве (390,7)	Сьерра-Леоне (71,7)*	Сейшелы (0,4)
Танзания (945,2)	Конго (342)*	Того (56,7)	
Нигерия (923,7)*	Кот-д'Ивуар (322,4)*	Гвинея-Биссау (36)*	

В скобках указана площадь страны в тысячах км².

Страны, попавшие в выборку с гражданскими войнами, отмечены (*).

Источник: World Bank. *Land Area (sq. km)*. 2022. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/AG.LND.TOTL.K2> (accessed 23.01.2022).

Говоря о географической специфике, невозможно обойти стороной и разнообразные экологические условия, которые также становятся серьезным препятствием для проекции центральной власти: пустыни и саванны сменяются зонами муссонных и экваториальных лесов, нагорьями. Следовательно, модели контроля, которые африканские государства должны разработать для этих дифференцированных и масштабных зон, довольно сложны и, главное, дорогостоящи. Общая ситуация усугубляется сильным инфраструктурным дисбалансом, ограниченностью транспортных сетей, нарушенной судоходностью большинства рек из-за порогов и сезонных мелководий [Austen 1987: 20]. Кроме того, как подтвердилось в масштабном проекте Тильмана Граффа, во многих странах континента присутствует феномен регионального фаворитизма – родины национальных лидеров имеют значительно более развитую инфраструктуру и получают большие средства, чем остальные [Graff 2019: 4]. Это может создавать дополнительные стимулы для появления претендентов на изменение устоявшихся отношений — вооруженной оппозиции. Сюда же добавляются параметры вождизма, о котором писал Хербст, и высокой этническо-религиозной

фрагментации, из-за чего локальные столкновения с местными властями практически превратились в норму [Herbst 2000: 173].

Влияние природных сил в африканском контексте, безусловно, велико, но эти аргументы не стоит воспринимать как защиту концепции географического детерминизма: необходимо учитывать логику политических элит, нередко заинтересованных в сохранении *status quo*, исторические, экономические и внешнеполитические составляющие. Допустим, более финансово стабильные и поддерживаемые извне государства в виде ЮАР будут в меньшей степени сталкиваться с проблемами реализации базовых государственных функций.

Описанные особенности способствуют распространению конфликтов асимметричного типа с использованием партизанских тактик, террора и диверсии со стороны рассредоточенных, децентрализованных, высококомобильных и практически неотличимых от гражданского населения иррегулярных формирований [Ferreira 2011: 56]. Причем сложность проекции власти на периферию также объясняет, почему 40% зафиксированных случаев политического насилия в Африке за последние годы произошло в пределах ста километров от государственных границ¹. Карта с «горячими точками» наглядно это подтверждает: особенно яркие примеры — Демократическая республика Конго, Мозамбик, Нигерия.

---

¹ OECD. *The Geography of Conflict in North and West Africa*. 2020. URL: <https://www.oecd.org/publications/the-geography-of-conflict-in-north-and-west-africa-02181039-en.htm> (accessed 21.01.2022).

Карта с локациями гражданских конфликтов (1991–2020)²
Map of Civil Conflict Sites (1991–2020)

Помимо «вакуума власти» и отдаленности от стратегических объектов — опорных пунктов — возникновению конфликтов на периферии способствует прозрачность границ, которая обеспечивает пути отступления и рассеивания оппозиционных сил в случае их подавления правительственными войсками. Феномен перетекания конфликтов в соседствующие страны довольно распространен: яркий пример — вооруженные столкновения в районах реки Мано, которые «плавают» между Сьеррой-Леоне, Либерией, Гвинеей-Биссау и Кот-д’Ивуаром [Ferreira 2011: 55].

Рассредоточение в приграничных и сложно проходимых зонах также обусловлено необходимостью маскировки и укрытия — базовых партизанских тактик, преобладающих в условиях африканских асимметричных и нерегулярных конфликтов. Чтобы выжить перед лицом превосходящих оппозицию правительственных вооруженных сил, формирования

² Источник пространственных данных о локациях: Uppsala Conflict Data Program. *UCDP Georeferenced Event Dataset (GED), Global Version 21.1*. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#ged_global (accessed 20.01.2022).

могут обеспечить себе стратегическое преимущество за счет получения контроля над сильно пересеченной местностью, горным перевалом или морским проходом. Эфиопское нагорье, густые тропические леса, простирающиеся от побережья Гвинейского залива до бассейна реки Конго, и другие труднодоступные ландшафты благоприятствует малочисленным нерегулярным бандформированиям, затрудняя их обнаружение и поражение. Группа повстанцев, которая хорошо знает местность и как извлечь из этих знаний выгоду, лучше оснащена для успеха на поле боя [Buhaug 2010: 547; Biddle 2021: 88].

Как с этими особенностями территории и асимметрии конфликтов связаны поставки вооружений? Кеннет Боулдинг еще в 1960-х годах выдвинул концепцию «градиента потери силы» (англ. *loss-of-strength gradient*), согласно которой военные возможности государства уменьшаются по мере удаления от узлов связи, баз, складов и прочих военных объектов из-за усложнения задачи обеспечения тыла, доставки снаряжения, перемещения войск, развертывания оружия дальнего боя [Boulding 1962: 262]. Этот аргумент долгое время преобладал в исследованиях вооруженных конфликтов, однако еще сам Боулдинг отмечал, что с развитием военных технологий и уходом от конвенциональных боевых действий этот параметр может утратить былую актуальность [Boulding 1964: 87]. Поэтому я полагаю, что импорт высокоточного оружия — ракет класса «воздух-земля», авиационных бомб, управляемых снарядов, — разведывательно-ударных БПЛА, транспортных самолетов и вертолетов, спутников, является эффективным способом преодоления проблем расстояния. Так, можно предположить, что увеличение военного потенциала путем импорта ОВ должно сопровождаться использованием своего значительного преимущества против оппозиции (иначе зачем закупать такой экзотический и дорогостоящий товар?) [Garcia 2009: 151-154; Brozka, Pearson 1994: 58].

Следуя логике войны на истощение, дополнительная военно-техническая поддержка должна вести к скорейшему прекращению конфликта, поскольку импорт ОВ позволяет наносить бóльший урон противнику, вынуждая его *быстрее* выходить из «игры» [Pamp et. al. 2018: 434]. Однако на практике все несколько сложнее: еще в трактате Клаузевица говорилось о различии *наличия* подавляющей силы и политической *воли* — готовности ее применения [Clausewitz 1997: 26-30]. Другими словами, сам факт наращивания силы необязательно означает намерение обрушить ее на оппонента, особенно в условиях асимметрии. Использование военного потенциала всегда сопряжено с расчетом вероятностей и повышенными издержками: неоправданные финансовые расходы на закупку, транспортировку и техническое обеспечение, риск потери живой силы и подрыва легитимности центра из-за насилия в отношении мирного населения [Sullivan, Karreth 2019: 5-6]. Поэтому при изучении ситуации, определяющей целесообразность применения ОВ, и

прогнозирования рисков происходит оценка степени угрозы режиму, которая складывается из трех *базовых* положений: расстояния до опорных пунктов, относительной боеспособности противника, «магнитуды» охваченной конфликтом территории [Scala, Howard 2020: 119-120]. Отсюда различные сценарии развития насильственных действий, следующие за поставкой вооружений. Какие это сценарии?

В африканском контексте преобладают слабые, малочисленные, не имеющие строгой иерархичной структуры и обитающие на окраинах повстанцы, которые ведут междоусобные бои и не представляют существенной угрозы ни правительству, ни урбанизированным центрам [Fearon, Laitin 2003]. Их основным «инструментом» силы является огнестрельное оружие, которое поступает в оборот за счет «домашней сборки» и процветания трансграничного трафика из прибрежных территорий (Ливия, Кот-д'Ивуар, Судан) в центральные районы континента³. Даже в случае получения основных видов вооружений, что, как правило, происходит за счет захвата складов, повстанцы редко оказываются в выигрышном положении из-за отсутствия компетенций в обращении с высокотехнологичными единицами и элементарной нехватки запасных частей [Moore 2012: 330].

В случае таких локализованных конфликтов и при низкой боеспособности применение ОВ правительством, разрушительный потенциал которых значительно превышает эффект распространенных среди повстанцев легких вооружений, может представляться государству не выгодным. Возможные издержки будут связаны не столько с дистанцией и сложным рельефом, которые благодаря современным технологиям в меньшей степени сказываются на потере силы, сколько из-за рассредоточения, мобильности формирований и их слияния с населением.

Однако это не свидетельствует о нецелесообразности или отсутствии роли импорта в конфликтной динамике: наращивание военной мощи может выступать своеобразным сигналом для мятежников. Ведь подобные конфликты — это асимметрия не только сил, но и информации: повстанцы располагают гораздо большими сведениями о потенциале правительственных войск, чем наоборот [Greig et. al. 2016: 2]. Поэтому демонстративная аккумуляция вооружений, увеличение военного бюджета и персонала могут быть стратегией намеренного раскрытия информации и отправки сигналов о возможностях центра. Эта логика соответствует теории сдерживания (англ. *deterrence*) Джона Миршаймера: сдерживание в широком смысле означает убеждение противника не предпринимать конкретных действий,

---

³ UNODC. *Global Study on Firearms Trafficking*. 2020. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Firearms/2020_REPORT_Global_Study_on_Firearms_Trafficking_2020_web.pdf (accessed 27.01.2022).

поскольку потенциальные выгоды не оправдывают издержки и риски противостояния [Mearsheimer 1983: 14].

Так, можно предположить, что при низкой боеспособности повстанцев появление сильного торгового партнера-поставщика и потенциал применения ОВ приведут к *продлению* конфликтов [Fearon 2004: 289]: получив сигнал и боясь открытого столкновения с войсками, иррегулярные формирования уйдут в тень, оставаясь на периферии, что в целом минимизирует угрозу режиму и интенсивность, но не искоренит конфликт как таковой. Более того, при низкой степени угрозы правительства не захотят вести переговоры об урегулировании отношений из-за риска поощрения устремлений других вооруженных групп, которые посредством насилия хотят добиться политических целей [Walter 2006].

Исходя из этого, центру, подготовившему себе своеобразную «подушку безопасности» и увеличившему возможности проекции жесткой силы, может быть выгоднее допустить продолжение конфликта на низком уровне, чем платить высокую цену за полное подавление оппозиции. Причем в противостояниях этно-религиозного характера, каковых большинство, высока вероятность нового возгорания [Cunningham, Gleditsch, Salehyan 2009: 584], а за действиями центра по подавлению локальных столкновений должны непременно следовать меры по поддержанию мира через социально-экономические реформы. При всех вышеописанных сложностях проекции центральной власти и общей экономической нестабильности большинства африканских государств эти действия будут сопряжены с высокими затратами; пожалуй, даже большими, чем потребуются на фактическое подавление конфликта.

Таким образом, нулевая гипотеза (H_0) исследования говорит об отсутствии любой ассоциации между наращиванием военной мощи и длительностью гражданских конфликтов в странах Африки. Первая альтернативная гипотеза — противопоставленная нулевой — основана на приведенной выше логике о возведении правительством вокруг себя и своих стратегически значимых объектов такого защитного барьера (посредством организации военно-технической поддержки, увеличения военного бюджета, рекрутирования дополнительных сил), который позволил бы им «закрыть глаза» и допустить продолжение низкоинтенсивного конфликта.

H₁: *Высокий военный потенциал и импорт обычных вооружений государством с большей вероятностью будут ассоциироваться с увеличением длительности гражданских конфликтов.*

Второй сценарий предполагает видимую угрозу «выживанию» — высокие показатели боеспособности оппозиции и интенсивности, большой процент охвата территории

конфликтом (например, Дарфурский конфликт, Первая гражданская война в Либерии) [Blanton 1999: 117; Garcia 2009: 154]. Допущение прямой угрозы уже свидетельствует об определенной слабости режима и невозможности в должной степени обеспечить военную поддержку. Трансфер в этом случае либо вовсе не будет осуществляться из-за истощенности государственного бюджета, либо будет предельно мал, а на техническое обеспечение и подготовку специалистов также требуются отдельные затраты. Соответственно, конфликты с военно-стратегическим паритетом или численным и материальным превосходством оппозиции будут предположительно подталкивать стороны к скорейшему прекращению боевых действий и переговорам для минимизации потерь. Поэтому, выдвигая вторую гипотезу, я исхожу из базового допущения, что военный потенциал государства, допустившего расширение угрозы, будет в целом не высок:

H₂. *Низкий военный потенциал и высокая степень угрозы режиму будут ассоциироваться со снижением длительности гражданских конфликтов.*

В следующей секции представлен дизайн исследования с описанием принципов выборочной совокупности, методов проверки гипотез и обработки полученных данных.

III. Дизайн исследования и методология

Для проверки гипотез и выявления взаимосвязи продолжительности гражданских конфликтов с наращиванием военной мощи посредством закупки ОВ будет использована модель пропорциональных рисков Кокса. В политических и социальных науках она более предпочтительна, чем параметрические модели, как, допустим распределение Вейбулла, которое требует определения вида базовой функции риска [Vox-Steffensmeier et. al. 2008: 534-535]. При использовании статистических методов из класса моделей выживаемости (англ. survival models) более корректная постановка задачи будет звучать так: *определение эффекта независимых и контрольных переменных на риск прекращения того или иного события*. В нашем случае прекращение события или его «смерть» — это окончание вооруженного конфликта: как только государство оказывается в ситуации завершения боевых действий, оно выбывает из группы риска. «Время жизни» — это, соответственно, само течение конфликта.

Такая непривычная терминология используется из-за оригинального назначения моделей выживаемости, заимствованных из медицины, — изучения продолжительности жизни и наступления терминальных (критических) событий для пациентов. Учитывая это обстоятельство, коэффициенты риска могут сперва показаться противоречивыми. Так, отрицательный коэффициент ($\beta < 1$) указывает на *снижение* риска «смерти» — окончания

гражданского конфликта; положительный коэффициент ($\beta > 1$) — на *увеличение* риска «смерти», то есть завершения. Математическая модель описанной ниже совокупности факторов выглядит следующим образом:

$$h_i(t) = h_0(t)\exp(\beta_1x_{i1} + \beta_2x_{i2} + \beta_3x_{i3} + \dots + \beta_nx_{in})$$

где t — время выживания; $h_i(t)$ — зависимая переменная; $h_0(t)$ — базовый риск, одинаковый для всех элементов; $\beta_1, \dots, \beta_n$ — коэффициенты, измеряющие влияние предикторов; $X_1, \dots, X_n$ — предикторы. Уточнив метод анализа, далее мы обратимся к описанию выборки и переменных, которые войдут в итоговое уравнение в качестве «иксов».

Итак, в выборку за период 1991-2020 годов на основе базы *UCDP/PRIO Armed Conflict Database* попало 28 африканских государств и 41 диада конфликтов. Конфликты, согласно критериям UCDP/PRIO, возникают при превышении порога боевых потерь в 25 человек за 12 месяцев⁴. Диада представляет из себя взаимодействие двух участников конфликта, где сторона А — всегда правительство, а сторона В — вооруженная оппозиция. Путем несложных математических вычислений мы приходим к выводу, что в некоторых странах из выборки (например, Конго, Камерун, Эфиопия) несколько конфликтов с разными представителями оппозиции могли протекать либо одновременно, либо в разные отрезки времени. Соответственно, отличительной чертой данной выборки становится избрание единицей анализа не страну, а конфликт внутри этой страны. Это сделано преимущественно для того, чтобы рассчитать дистанцию от эпицентра каждого конфликта до столицы. 41 диада образовалась при сжатии 1937 наблюдений по Африке из *UCDP Georeferenced Event Dataset (GED)*, описывающей детали и точные локации каждого столкновения, в сводки общей статистики конфликтов⁵.

Данные о длительности вооруженных противостояний также были взяты из упомянутой базы UCDP/PRIO. Военный потенциал определяется суммой трех переменных: логарифма объема импортированных вооружений правительствам, доли военного бюджета от ВВП, количества военнослужащих по основанию десять. Информация по первому показателю основана на данных Стокгольмского института исследования проблем мира (СИПРИ), где выделяются одиннадцать категорий ОВ. Однако в анализе участвуют не все из них, а лишь наиболее эффективные в описанных природно-географических и асимметричных условиях (например, исключаются противолодочное оружие, военные суда). Для измерения

---

⁴ Uppsala Conflict Data Program. *UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset, Version 21.1*. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict> (accessed 20.01.2022).

⁵ Uppsala Conflict Data Program. *UCDP Georeferenced Event Dataset (GED), Global Version 21.1*. URL: https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#ged_global (accessed 20.01.2022).

используются индикаторы трендов (trend indicator values), которые отражают не финансовую стоимость, а объем поставленного оружия и его военный «вес»⁶. Данные о количестве военного персонала были взяты из базы *National Material Capabilities* (v. 6.0)⁷, а о доле военного бюджета из *Military Expenditure Database* (СИПРИ)⁸. Я нахожу это показатель более репрезентативным, чем чистые военные расходы, поскольку таким образом можно проследить значимость финансовых издержек для государства.

Далее следует квантифицировать степень угрозы государству, которая также оказывается совокупностью нескольких параметров: логарифма средней дистанции между столицей — главным опорным пунктом правительства — и горячими точками и соотношения живой силы сторон по основанию десять, а также процента охваченной конфликтом территории. Измеряемая в километрах дистанция была рассчитана с помощью UCDP GED; соотношение сторон представляет из себя отношение числа военного персонала к повстанцам. Данные о последних основаны на стратификации показателей в PITF *State Failure Problem Dataset*⁹.

Контрольные переменные во многом соответствуют типичным «ингредиентам» в рецепте гражданских войн. Первая группа — географическое измерение. Распространенный способ измерения ландшафта, сложность которого теоретически должна служить укрытием группировок, — это так называемый индекс гористости рельефа (англ. mountainous terrain / terrain ruggedness). Однако фактически этот индекс оказывается измерением средней высоты суши над уровнем моря в целом государстве, что не может напрямую свидетельствовать о наличии удобных для оппозиции укрытий. В качестве яркого примера возьмем показатель по России со всем многообразием ее рельефов — 94 метра¹⁰, — который кажется, не вполне подходящим параметром для выявления гористости в интересующем нас контексте. Поэтому я использую другие параметры, а именно процент территории, покрытый труднопроходимыми тропическими лесами и пустынями [Nunn, Puga 2012: 20-36]. Эти факторы, несмотря на высокоточность, повышение дальности стрельбы и улучшения оснащения ударных беспилотников, все же стоит учитывать для полноты картины.

---

⁶ Stockholm International Peace Research Institute. *Sources and Methods*. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers/sources-and-methods> (accessed 20.01.2022).

⁷ The Correlates of War Project. *National Material Capabilities*. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities> (accessed 20.01.2022).

⁸ Stockholm International Peace Research Institute. *Military Expenditure Database, data for all countries 1949-2020*. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (accessed 20.01.2022).

⁹ Center for Systemic Peace. *Political Instability Task Force Problem Set*. URL: <https://www.systemicpeace.org/inscrdata.html> (accessed 20.01.2022).

¹⁰ Our World in Data. *Terrain Ruggedness Index*. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/terrain-ruggedness-index> (accessed 20.01.2022).

Вторая группа — показатели ВВП на душу населения и количества населения, основанные на данных *World Bank*. Более населенные страны потенциально могут вовлечь в конфликт большее число участников [Fearon, Laitin 2003: 79], а экономически сильные государства способны «дотянуться» до периферии, выступая медиаторами в локальных конфликтах и препятствуя размножению формирований. Теперь перейдем к проекции результатов.

III. Обсуждение наблюдений и заключение

Средняя продолжительность всех конфликтов из выборки — 3328 дней (~9 лет). При этом, если распределить ее по пяти регионам континента, то наиболее длительные конфликты (~16 лет) наблюдались в Северной Африке, а наименее (~ 5 лет) — в ее западной части, простирающейся от Сенегала до Нигерии. Любопытно, что менее продолжительные конфликты действительно происходили в государствах с относительно небольшими территориями. В целом, главный вывод исследования заключается в статистическом подтверждении влияния поставок ОВ на среднее увеличение вероятности продления конфликтов в странах Африки примерно в два раза.

В таблице 2 представлены результаты регрессии, которые позволяют нам отклонить нулевую гипотезу и обратиться к первой альтернативной. Статистическая значимость ($p < 0.05$) величин — малая вероятность их случайного возникновения — и отрицательные значения коэффициентов по двум параметрам военного потенциала в итоговой пятой модели, куда вошли все переменные уравнения, свидетельствуют о том, что увеличение военного потенциала с большой долей вероятности ассоциируется с продлением гражданских конфликтов.

В общей модели риск наступления «смерти» конфликта при повышении объема импортируемых государством ОВ составляет -0.820. Вычитав из этого показателя отношение рисков (англ. hazard ratio), мы получаем коэффициент в 0.440. Это означает, что увеличение поставок вооружений предсказывает увеличение времени «жизни» конфликта в среднем в 2,27 раза ($1/0.440$) и снижение риска его «смерти» на 56% ($1-0.440$). Это крайне весомый показатель, который, безусловно, требуется исследовать в бóльших деталях.

Регрессия Кокса: Модель пропорциональных рисков
Cox Proportional Hazards Model

	DV: Продолжительность (в днях)				
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
Объем поставок ОВ (ln)	-1.029*** (0.292)		-0.636* (0.325)	-0.707* (0.373)	-0.820** (0.382)
Кол-во военнослужащих (ln)	-0.014 (0.539)		-3.345** (1.498)	-3.771** (1.616)	-4.336*** (1.681)
Доля военных расходов от ВВП (ln)	-0.028 (0.042)		-0.069 (0.052)	-0.083 (0.057)	-0.065 (0.061)
Расстояние до опорного пункта (ln)		-1.097** (0.439)	-1.158* (0.598)	-1.383** (0.621)	-1.815** (0.697)
Соотношение живой силы сторон (ln)		0.327 (0.407)	-3.120*** (1.170)	-3.347*** (1.274)	-3.409*** (1.295)
Процент охваченной конфликтом территории		0.078 (0.321)	0.716* (0.406)	0.785* (0.420)	0.818* (0.452)
Процент тропических лесов				-0.972 (0.756)	-1.117 (0.800)
Процент пустынь				-0.396 (0.941)	-0.421 (0.924)
ВВП на душу населения					0.438 (0.746)
Кол-во населения (ln)					0.909 (0.915)
Наблюдения:	41	41	41	41	41

Стандартные ошибки указаны в скобках. *p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Следовательно, мы действительно можем говорить о создании центром некоей «подушки безопасности» посредством импорта вооружений, которая позволяет ему быть более спокойным за свое выживание и не предпринимать реакционных действий. Общий вывод по этому критерию схож с результатами исследования Мура (2012), хотя в его данных по общемировым гражданским конфликтам трансферы вооружений способствовали снижению риска окончания конфликтов в среднем на 28,3% [Moore 2012: 341].

При этом Мур в своем проекте не использует дистанцию между локацией конфликта и опорным пунктом, а в настоящей работе ее значение также оказалось статистически значимым и весомым: по мере удаления столкновений от столицы повышается время их выживания примерно в 6,17 раз. Это соответствует теоретическому положению о том, что при низкой степени угрозы центру и концентрации повстанцев на периферии, правительство будет готово допустить малые, по их представлениям, издержки низкоинтенсивного конфликта.

Одновременно при повышении степени угрозы в виде расширения географического спектра боевых действий длительность конфликта уменьшается на 44% при условии воздействия всех факторов из модели 5. Его окончание, скорее всего, будет результатом начала переговоров или абсолютной победы повстанцев из-за неспособности правительства сдерживать разрастающуюся угрозу. Этот вывод также основывается на результатах модели:

чем *меньше* поставок ОВ, военного персонала и военных расходов, тем *меньше* длительность противостояния. Так, мы можем проследить определенную тенденцию: при минимальной угрозе конфликт будет вялотекущим или спящим за счет поступления сигналов оппозиции о военных возможностях центра, но при росте угрозы произойдут либо скорая мобилизация ВС, либо прекращение огня в условиях паритета.

Если следовать подобной логике и методу вычисления, то при интерпретации коэффициентов переменных военного персонала и отношения живой силы сторон мы получаем весьма неожиданные для реальных условий результаты. Рост этих показателей более, чем в 10 раз увеличивает продолжительность противостояния. К такому результату необходимо относиться с большой осторожностью из-за недостатка информации о точном количестве повстанцев, а, возможно, и неучтенных дополнительных факторов в общей модели. Вследствие чего могут происходить искажения результатов.

Вероятность случайного появления величин остальных переменных превышает 10%, из-за чего они не освещаются здесь более подробно, хотя это не означает их фактическую нерелевантность. Например, увеличение доли территории с тропическими леса также увеличивает длительность конфликтов; однако здесь $p=0.16$, что чуть больше уровня значимости в 10%, но тем не менее этот параметр имеет право на существование с условием дальнейшей доработки.

Таким образом, H_1 и H_2 можно считать более вероятными, чем H_0 , которая говорит об отсутствии некоей статистической значимой взаимосвязи между поставками вооружений и длительностью конфликтов. Конечно, следует учитывать, что статистические показатели не могут привести к однозначному ответу из-за разнящихся методов подсчета и обработки данных, недостатка инструментария для сбора так называемой “big data” и открытых достоверных ресурсов с информацией о ВПК и, в частности, ВТС. Несмотря на определенные ограничения, политические катаклизмы побуждают обращаться к анализу новых детерминантов конфликтности и разработке моделей прогнозирования событий.

Результаты этой работы в целом могут быть полезными для будущих исследований гражданских войн. Во-первых, было обнаружено, что увеличение трансферов ОВ в большей степени ассоциируется с увеличением длительности конфликтов, поскольку наращивание военной мощи правительством предположительно оказывает сдерживающий эффект на оппонента и принуждает его перейти на более низкий уровень — уйти в тень во избежание прямого столкновения с центром, который имеет возможность в любой момент подавить восстание [Blanton 1999: 425].

Демонстрация значимости поставок ОВ говорит о необходимости дальнейшего и более подробного изучения этого аспекта, включении его в модель прогнозирования динамики

конфликтов гражданского характера. Это становится особенно важным в контексте африканского континента, страны которого входят во все более тесное сотрудничество с мировыми экспортерами вооружений: США, Россией, Китаем. Поле исследований гражданских конфликтов и роли в них военного потенциала крайне широко: например, помимо рынка ОВ внимания заслуживает и рынок малокалиберного стрелкового оружия, значение которого в асимметричных войнах крайне высоко. Кроме этого, интерес представляет изучение влияния на тренды конфликтов военной помощи, оказываемой иностранными державами, миротворческих миссий и негосударственных акторов в виде частных военных и охранных компаний.

Список источников и литературы

- Austen R. 1987. *African Economic History*. London: James Currey.
- Baugh W., Squires M.L. 1983. Arms Transfers and the Onset of War, Part 1: Scalogram Analysis of Transfer Patterns – *International Reactions*. Vol. 10, No. 1. P. 39-63.
<https://doi.org/10.1080/03050628308434606>
- Blanton S. 1999. The Transfer of Arms and the Diffusion of Democracy: Do Arms Promote or Undermine the “Third Wave”? – *The Social Science Journal*. Vol. 36, No. 3. P. 413–429.
[https://doi.org/10.1016/S0362-3319\(99\)00014-2](https://doi.org/10.1016/S0362-3319(99)00014-2)
- Boulding K. 1962. *Conflict and Defense: A General Theory*. New York: Harper.
- Boulding K. 1964. *The Meaning of the Twentieth Century: The Great Transition*. London: George Allen & Unwin.
- Box-Steffensmeier J., Brady H., Collier D. 2008. *Oxford Handbook of Political Methodology*. Oxford: Oxford University Press.
- Brzoska M., Pearson F. 1994. Developments in the Global Supply of Arms: Opportunity and Motivation. – *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 535. P. 58–72. <https://doi.org/10.1177/0002716294535001005>
- Craft C., Smaldone J.P. 2002. The Arms Trade and the Incidence of Political Violence in Sub-Saharan Africa, 1967-97 — *Journal of Peace Research*. Vol. 39, No. 6. P. 693-710.
<https://doi.org/10.1177/0022343302039006003>
- Cunningham D.E., Gleditsch K., Salehean I. 2009. It Takes Two: A Dyadic Analysis of Civil War Duration and Outcome. — *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 53, No. 4. P. 570–597.
<https://doi.org/10.1177/0022002709336458>
- Fearon J.D. 2004. Why Do Some Civil Wars Last So Much Longer than Others? — *Journal of Peace Research*. Vol. 41, No. 3. P. 275-301. <https://doi.org/10.1177/0022343304043770>
- Fearon J.D., Laitin D.D. 2003. Ethnicity, Insurgency, and Civil War. — *The American Political Science Review*. Vol. 97, No. 1. P. 75-90. <https://doi.org/10.1017/S0003055403000534>
- Ferreira R. 2011. Irregular Warfare in African Conflicts. — *Scientia Militaria: South African Journal of Military Studies* Vol. 38, No. 1. P. 45-67. [10.5787/38-1-79](https://doi.org/10.5787/38-1-79)
- Garcia D. 2009. Arms Transfers Beyond the State-to-State Realm — *International Studies Perspectives* Vol. 10, No. 2. P. 151–168. [10.1111/j.1528-3585.2009.00367.x](https://doi.org/10.1111/j.1528-3585.2009.00367.x)
- Graff T. 2019. Spatial Inefficiencies in Africa’s Trade Network — NBER Working Paper No. w25951. <https://doi.org/10.3386/W25951>

- Greig M., Mason T.D., Hamner J. 2016. Win, Lose, or Draw in the Fog of Civil War — *Conflict Management and Peace Science* Vol. 35, no. 4. P. 523-543.
<https://doi.org/10.1177/0738894216649343>
- Herbst J. 2000. *States and Power in Africa*. Princeton: Princeton University Press.
- Huntington S.P. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.
- Kemp G. 1970. *Arms Traffic and Third World Conflicts*. New York: International Conciliation. Carnegie Endowment for International Peace.
- Maniruzzaman T. 1992. Arms Transfers, Military Coups, and Military Rule in Developing States. — *Journal of Conflict Resolution* Vol. 36, No. 4. P. 733–755.
<https://doi.org/10.1177/0022002792036004006>
- Mearsheimer J.J. 1983. *Conventional Deterrence*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
- Moore M. 2012. Selling to Both Sides: The Effects of Major Conventional Weapons Transfers on Civil War Severity and Duration — *International Interactions: Empirical and Theoretical Research in International Relations* Vol. 38, No. 3. P. 325-347.
<https://doi.org/10.1080/03050629.2012.676511>
- Pamp O., Rudolph L., Thurner P.W., Mehlretter A., Primus S. 2018. The Build-up of Coercive Capacities: Arms Imports and the Outbreak of Violent Intrastate Conflicts. — *Journal of Peace Research* Vol. 55, No. 4. P. 430-444. <https://doi.org/10.1177%2F0022343317740417>
- Sandler T., Hartley K. 2007. *Handbook of Defense Economics, Volume 1*. Amsterdam: North Holland.
- Scala N., Howard J. 2020. *Handbook of Military and Defense Operations Research*. New York: CRC Press.
- Sullivan P.L., Karreth J. 2019. Strategies and Tactics in Armed Conflict: How Governments and Foreign Interveners Respond to Insurgent Threats. — *Journal of Conflict Resolution* Vol. 63, No. 9. P. 1-26. <https://doi.org/10.1177%2F0022002719828103>
- Van Creveld M. 1977. *Supplying War: Logistics from Wallenstein to Patton*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Von Clausewitz C. 1997. *On War*. Ware, UK: Wordsworth Editions Limited.
- Weber M. 2014. *Politik als Beruf*. Köln: Anconda Verlag.